

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

DOI: 10.17805/zpu.2015.3.24

Базаров и Рязанов: романтический архетип в русской литературе

У. К. Брумфилд

(УНИВЕРСИТЕТ ТУЛЕЙНА, г. НОВЫЙ ОРЛЕАН, США)

В статье рассмотрен образ главного героя как отчужденного активиста-радикала в романах И. С. Тургенева «Отцы и дети» и В. А. Слепцова «Трудное время». Оба писателя обращаются к идеологическим и социальным проблемам своего времени, при этом также помещая своего героя и в литературный контекст эпохи. Романтический герой, особенно в байроновском варианте, стал основной парадигмой для тургеневского Базарова. Слепцов изображает своего Рязанова более скептически. Автор анализирует отношения между главным героем и его фоновым антагонистом — гуманистом-западником Кирсановым и либеральным помещиком Щетининым, чьи планы критикует Рязанов.

В статье также сравниваются отношения главных героев и основных женских персонажей в романах Тургенева и Слепцова — Одинцовой и Щетининой. Тургенев здесь возвращается к романтической ситуации отвергнутой большой любви. Слепцов же, напротив, предвосхищает чеховский текст в сцене тонкого диалога между Рязановым и Щетининой. В их разговоре о социальных задачах и идеалах личная страсть приглушенно уступает место взаимному сопереживанию и уважению.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, «Отцы и дети», В. А. Слепцов, «Трудное время», Базаров, Рязанов, романтический архетип, русская литература.

В своем эссе «Еще раз Базаров» (1862) А. И. Герцен пишет: «Странная вещь — это взаимодействие людей на книгу и книги на людей. Книга берет весь склад из того общества, в котором возникает, обобщает его, делает более наглядным и резким, и вслед за тем бывает обойдена реальностью» (Герцен, 1960: 337). Считается, что взаимовлияние людей и книг в России всегда было очень интенсивным, особенно в сфере общественно-политического дискурса, и, следовательно, есть немалая доля истины в наблюдении Герцена, что в таких условиях «оригиналы делают шаржу своих резко оттененных портретов, и действительные лица вживаются в свои литературные тени» (там же). Так или иначе, но согласно утверждению многих критиков и политических активистов, молодые русские после 1862 г. «почти все были из “Что делать?” с прибавлением нескольких базаровских черт» (там же). Например, Д. И. Писарев в статье, озаглавленной «Посмотрим!» (1865), писал, что «базаровский тип растет постоянно, не по дням, а по часам, и в жизни и в литературе» (Писарев, 1956а: 462).

Многочисленные поклонники-последователи романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» дополняли образ Базарова деталями, отсутствовавшими в оригинале, дабы сделать его представителем радикальных тенденций 1860-х годов. Несмотря на эти усилия, образ Базарова в значительно большей степени определяется литературным архетипом, вышедшим из европейского романтизма и четко вырисованным в ряде ранних сочинений писателя. Аргументацию в пользу подобного происхождения данного образа можно найти в произведениях Тургенева, но особенно ярко это проявляется при сравнении «Отцов и детей» (1862) с другим романом, написанным в тот же период, в центре которого похожий (не менее радикальный) герой. Автор этого романа, В. А. Слепцов, был хорошо известен в 60-е годы XIX в. своим участием в ряде радикальных начинаний (о чем, в частности, свидетельствует слава созданной им коммуны в Петербурге) и, по-видимому, обладал более непосредственным знанием того, что представляла собой среда российских радикалов того времени, чем Тургенев¹. Более того, Слепцов, который начал свою писательскую карьеру в начале 1860-х годов, не проходил того романтического обучения писательскому ремеслу, которое возымело столь глубокое влияние на более поздние труды Тургенева. Таким образом, повесть Слепцова «Трудное время» (опубликованная в «Современнике» в 1865 г.) представляет русского радикала с несколько иной точки зрения, нежели сочинение Тургенева.

Неудивительно, что близость «Отцов и детей» и «Трудного времени» была отмечена в первый раз Писаревым в статье «Подрастающая гуманность» (1865), где он охарактеризовал героя романа Слепцова, Рязанова, как одного «из блестящих представителей моего излюбленного базаровского типа» (Писарев, 1956b: 53). Хотя точность данного сравнения и может вызывать сомнения, похожесть двух героев служит достаточным основанием для подобного сравнения. И Базаров, и Рязанов — разночинцы (последний — сын священника), недовольные интеллектуалы, готовые к разрушению, дабы позволить другим заняться созиданием, хотя ни тот ни другой не уверены в том, какую форму может принять процесс разрушения и кто именно примется за строительство нового. Оба героя представляют новый, поднимающийся класс и новые воинственные настроения в системе российского образования (образованных слоях общества). Оба — продукты городской интеллектуальной среды, несмотря на то что своим происхождением они связаны с провинциальной жизнью в средней полосе России. Оба оказываются чужаками в сельском захолустье, в котором хватает и собственных проблем, связанных с социальными реформами. В этом аспекте два произведения совпадают даже в деталях: герои-помещики в обоих романах — Николай Кирсанов и Щетинин — пытаются усовершенствовать сельскохозяйственное производство и реформировать свои взаимоотношения с крестьянами, хотя подобные усилия и вызывают подозрительность соседей-помещиков и равнодушие самих крестьян (эта реакция хорошо знакома кающимся помещикам А. Н. Толстого). Работники обманывают своих хозяев, но те в ответ лишь недоумевают по поводу предрассудков, безграмотности и неприятия реформ с их стороны. В обоих романах, особенно в «Трудном времени», часто встречаются описания деревенской бедности, а все попытки внедрения рациональной системы сельскохозяйственного производства неизменно проваливаются. (В обоих произведениях речь идет о дорогостоящей молотилке, которая оказывается непригодной к местным условиям.) Общими оказываются и такие физические параметры среды обитания, как разваливающиеся церкви, крестьянские избы, сгрудившиеся возле барского дома, окруженного теми же акациями и прочей растительностью.

Оказавшись в подобном окружении, оба героя попадают в ситуацию, в которой их городской радикализм противопоставляется некой разновидности дворянского либерализма. Как и можно было ожидать, для развития интриги, проистекающего из идеологического антагонизма, каждый из авторов полагается в немалой степени на диалог, однако тут в функции этих противостояний начинает наблюдаться некоторое различие. В «Трудном времени» эти столкновения настолько доминируют над сутью произведения, что сам по себе сюжет становится сравнительно неважным, а комментарии автора имеют едва ли больший вес, чем расширенные сценические ремарки.

В «Отцах и детях», где сюжет более сложен, авторские замечания руководят тем, как читатель воспринимает развертывающиеся события, в то время как идеологические споры служат преимущественно для мотивации развития событий, что само по себе имеет мало общего с идеологией. Тем не менее обе повести начинаются с похожего конфликта, который они к тому же и представляют весьма схожим образом.

С того момента, когда Павел Кирсанов впервые слышит слово «нигилист», и до последнего разговора Базарова с Одинцовой в 7-й главе радикальный герой Тургенева периодически высказывает взгляды, которые никак не уживаются с идеей социального прогресса посредством постепенных реформ. Политическая риторика Базарова достаточно хорошо известна и не нуждается в основательном цитировании, однако два пассажа (оба из 10-й главы) особенно близки тем взглядам, которые предстоит излагать Рязанову в «Трудном времени». В первом пассаже Рязанов разделяется со словарем либерализма (как это выражает Павел Кирсанов): «Аристократизм, либерализм, прогресс, принципы, — говорил между тем Базаров, — подумаешь, сколько иностранных... и бесполезных слов! Русскому человеку они даром не нужны» (Тургенев, 1964а: 242). Во втором он излагает одно из наиболее часто повторяющихся обвинений против русских либералов — их неспособности к действию: «А потом мы догадались, что болтать, все только болтать о наших язвах не стоит труда, что это ведет только к пошлости и доктринерству; мы увидали, что и умники наши, так называемые передовые люди и обличители, никуда не годятся, что мы занимаемся вздором, толкуем о каком-то искусстве...» (там же: 245).

Похожий аргумент постулируется и в «Трудном времени», когда Рязанов объясняет жене Щетинина бесполезность читаемых ею прогрессистских статей: «Понимаете, это все равно вот, что вывески такие бывают, вот написано: “Русская правда” или “Белый лебедь”, — ну, вы и пойдете белого лебедя искать, а там кабак. Для того чтобы читать эти книжки и понимать, нужен большой навык, — вставая, продолжал Рязанов. — На свежую голову, ежели взять ее в руки, так и в самом деле белые лебеди представятся: и школы, и суды, и конституции, и проституции, и великая х[артия] в[ольностей], и черт знает что... а как приглядишься к этому делу, — ну, и видишь, что все это... продажа на вынос» (Слепцов, 1957: 83).

Продолжая в том же ключе, Базаров говорит, что «в теперешнее время полезнее всего отрицание — мы отрицаем» (Тургенев, 1964а: 243). Со своей стороны Рязанов пересказывает для Щетининой один из своих радикальных памфлетов: «Ежели ты хочешь строить храм, то прими заранее меры, дабы неприятельская кавалерия не сделала из него конюшни» (Слепцов, 1957: 79). А когда Щетинина спрашивает, что же надо сделать, Рязанов отвечает: «...остается выдумать, создать новую жизнь, а до тех пор...» — Он махнул рукой» (там же: 148).

Манера изложения Рязанова может быть более приземленной, нежели у Базарова, но идеи он выражает те же. Однако, несмотря на ярость, звучащую в речах Базарова

по поводу пустых разговоров, ни тот, ни другой радикал не выходит за границы риторки разочарования и неудовлетворенности.

Тем не менее, несмотря на общую риторку, последующее развитие событий свидетельствует о фундаментальном различии между двумя романами. Тургенев, насколько можно судить, не столь интересуется нигилистом Базаровым (как продуктом определенной идеологии), сколько Базаровым бунтарем-романтиком. Так, идеологический элемент начинает ослабевать уже к середине «Отцов и детей», и тут становится ясно, что радикальные идеи Базарова не столько определяют его действия, сколько создают для него некое изолированное положение, из которого ему удобнее бросать вызов установившемуся в мире порядку вещей. Тургенев снабдил своего героя набором расхожих политических взглядов того времени только для того, чтобы подвести его к конфликту между его «бездонным» эго и принятым им «знаком смерти», корни которого в той агрессивной настырности, с которой Базаров пытается проникнуть в суть природы посредством некоей разновидности научного материализма. Если в процессе этого вызова Базаров утрачивает ощущение единения с природой (сцена с талисманом), Тургенев обеспечивает «окончательное примирение», которое само по себе основывается на романтическом взгляде на единство человека и природы — или стремлении к таковому единству: «Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии “равнодушной” природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...» (Тургенев, 1964а: 402). Эти строки, несомненно, навеяны У. Вордсвортом.

Указания на то, что нигилизм Базарова — одна из составляющих его романтического образа, обнаруживаются в словах самого Тургенева, особенно в его предваряющих заметках к повести «Новь» (1876). Он пишет о «романтиках реализма», которые «тоскуют о реальном и стремятся к нему, как прежние романтики к *идеалу*. Они ищут в реальном не поэзии — эта им смешна, но нечто великое и значительное, — а это вздор: настоящая жизнь прозаична и должна быть такою» (Тургенев, 1966: 314; курсив И. С. Тургенева. — У. Б.). Охарактеризовав этот тип в качестве пророка, терзаемого и мучимого, Тургенев продолжает: «Оттого я и в Базарова внес частицу *этого* романтизма, что заметил один Писарев» (там же; курсив И. С. Тургенева. — У. Б.)².

Ссылка на главного героя как на романтика или реалиста представляет собой самое точное и определенное указание на то, как соотносятся в Базарове вера в материализм с романтически духом, вдохновляющим его поведение. Однако этот дух четко определен и в самом романе, в частности использованием Базаровым таких словечек, как «романтик» и «романтизм». Так, в 4-й главе он говорит о старшем Кирсанове: «...эти старые романтики! Разовьют в себе нервную систему до раздражения... ну, равновесие и нарушено» (Тургенев, 1964а: 210). А вот что он говорит Аркадию о природе любви: «Ты проштудируй-ка анатомию глаза: откуда тут взяться, как ты говоришь, загадочному взгляду? Это все романтизм, чепуха, гниль, художество. Пойдем лучше смотреть жука» (там же: 226). А вот как комментирует автор спор в 10-й главе: «Эта последняя фраза, видимо, не понравилась Базарову; от нее веяло философией, то есть романтизмом, ибо Базаров и философию называл романтизмом...» (там же: 243).

Представляя размышления Базарова по поводу Одинцовой, Тургенев пишет: «В разговорах с Анной Сергеевной он еще больше прежнего высказывал свое равнодушное

презрение ко всему романтическому; а оставшись наедине, он с негодованием сознавал романтика в самом себе» (там же: 287). Сам Базаров говорит Аркадию в 19-й главе: «...по-моему, лучше камни бить на мостовой, чем позволить женщине завладеть хотя бы кончиком пальца. Это все... — Базаров чуть было не произнес своего любимого слова “романтизм”, да удержался и сказал: — вздор» (там же: 306). Очень точно отмечает это обстоятельство Писарев, когда пишет в статье 1862 г.: «Преследуя романтизм, Базаров с невероятной подозрительностью ищет его там, где его никогда и не бывало. Вооружаясь против идеализма и разбивая его воздушные замки, он порою сам делается идеалистом...» (Писарев, 1955а: 27). В самом деле, путь Базарова к самопознанию (и духовному кризису) связан именно с осознанием «романтика в самом себе», как бы презрительно он ни реагировал на это явление.

Базаров, разумеется, не использует таких слов, как «романтизм» в узком литературном смысле. Как отмечал П. Г. Пустовойт, Тургенев в своих критических высказываниях часто использовал слова «романтик» и «романтизм» применительно к романтическому настрою, а не к романтизму как литературному методу (Пустовойт, 1973: 259, 272). Но со структурной точки зрения эти две трактовки неразрывно связаны между собой: романтическая литература и романтический дискурс предлагают немало образцов для подобного романтического поведения³. По существу, подобный образец обозначен и в сочинениях самого Тургенева, предшествовавших «Отцам и детям». Так, касаясь перевода «Фауста» М. Вронченко, Тургенев в следующих выражениях описывает романтического героя: «Он становится центром окружающего мира; он... не предается ничему; он все заставляет себе предаваться; он живет сердцем, но одиноким, своим, не чужим сердцем, даже в любви, о которой он так много мечтает; он романтик, — романтизм есть не что иное, как апофеоза личности. Он готов толковать об обществе, об общественных вопросах, о науке; но общество, так же как и наука, существуют для него — не он для них» (Тургенев, 1960: 220).

Многое из этого описания без труда применимо и к Базарову: последнее предложение, в частности, напоминает его бурную вспышку против беспокорства о благополучии крестьян (уже на грани неминуемой смерти!), в то время как фраза про «апофеозу личности» указывает на один из главенствующих мотивов в характере Базарова. В 10-й главе Павел Петрович упоминает «почти сатанинскую» гордость Базарова (Тургенев, 1964а: 247), а в 19-й главе Аркадий, отмечая «бездонную пропасть базаровского самолюбия» (там же: 304), спрашивает его, уж не считает ли он себя богом. Впрочем, независимо от трудностей определения типологии *homo romanticus*, цитируемый выше абзац указывает на то, что в своих комментариях по поводу «Фауста» Тургенев представил собственное определение романтического героя, нашедшее свое высшее воплощение в образе Базарова.

Однако этот тип героя встречается у Тургенева и много раньше — в частности, в его стихотворной драме «Стено» (1837). Несмотря на все различия в сюжете и обстоятельствах, и Стено, и Базаров страдают от того же самого духовного недуга — сознания собственной огромной силы, сопряженной с ощущением одиночества и беспомощности перед лицом необъятности природы. Вот что говорит Стено в первом действии: «Рим перешел... и мы исчезнем так же, // Не оставляя ничего за нами, <....> Что значит жизнь? что значит смерть? Тебя // Я, небо, вопрошаю, но молчишь // Ты, ясное в величии холодном!» (Тургенев, 1960: 370). Подобные риторические пассажи встречаются на протяжении всей пьесы: Стено говорит об утрате веры, о незначительности человека и намекает на возможность обретения мира и согласия лишь в смерти.

Во втором действии Тургенев характеризует своего героя словами монаха Антонио: «Как много силы в нем! // Как много в нем страданья. В нем творец // Нам показал пример мучений // Людей с могучею душой, когда // Они, надежные на свои силы, // Одни пойдут навстречу мира // И захотят его обнять» (там же: 391)⁴. А поскольку Стено являлся, по существу, перефразированным образом Манфреда (что Тургенев и сам с готовностью признавал), следовательно, и портрет Базарова во многом связан с байроновским вариантом европейского романтизма, особенно в своем представлении героя отчужденного и дерзкого.

Позднее Тургенев сам высмеивал свое юношеское увлечение Манфредом, как, впрочем, и пьесу, возникшую под влиянием этого увлечения. Однако его литературные труды свидетельствуют о том, что и в более поздний период он продолжал перерабатывать и адаптировать некоторые основополагающие принципы и средства выражения, присущие ему в юности. Можно утверждать, что Тургенев достаточно далеко отошел от своего раннего (и в немалой степени производного) романтизма, чтобы быть в состоянии судить о нем в «Отцах и детях». Однако немало высказываний в этом романе, особенно в заключительном абзаце, дают основания для утверждений, что отдельные элементы романтизма все еще составляли немаловажную часть его мироощущения. Как отмечал М. О. Гершензон, многое в поздних работах Тургенева было органически связано со «Стено» (Гершензон, 1919: 7–21), и образ Базарова следует считать свидетельством этой преемственности.

В свете подобных обстоятельств прошлой жизни можно допустить, что конфликт между Базаровым и Павлом Кирсановым был не столько проявлением антагонизма между либеральным идеалистом 1840-х годов и радикалом-материалистом 1860-х, сколько противостоянием двух «поколений» романтиков, причем представители обоих поколений являли собой вариации на тему романтизма, преобладавшего в 30–40-х годах XIX столетия⁵. Этот общий элемент в образах Базарова и Кирсанова не получил достаточного признания, и это при том, что он прослеживается по всей значительной и разработанной системе параллелей, описывающих характеры героев и их судьбу. Каждый из них страстно отстаивает определенные принципы, отвлеченные идеи и идеалы (кстати, «материализм» Базарова столь же идеалистичен, сколько и либерализм Кирсанова). Но при всей их очевидной приверженности идеологическим постулатам каждый из них приходит к мысли, что лично его жизнь бесцельна. Разумеется, что выражается эта мысль героями по-разному: в случае с Кирсановым — это уход от активной жизни, в себя, а у Базарова — злое, вызывающее отстаивание своих метафизических-нигилистических идей.

И в том, и в другом случае Тургенев основывает этот личностный кризис на страстной и безнадежной любви (что отражает его представления о непостижимой силе любви — любви недостижимой, которая может привести единственное что к смерти). Для раздавленного страстной привязанностью к таинственной княгине «Р» (7-я глава) Павла Кирсанова наступает период заката, отказа от всех былых надежд и честолюбивых замыслов. Его существование вполне укладывается в рамки романтического клише: «Дамы находили его очаровательным меланхоликом, но он не знался с дамами» (Тургенев, 1964а: 225). Как утверждает Базаров, он видит это клише насквозь. Узнав про жизненные обстоятельства Кирсанова, по-видимому, от Аркадия, Базаров замечает: «И что за таинственные отношения между мужчиной и женщиной? Мы, физиологи, знаем, какие это отношения. Ты проштудируй-ка анатомию глаза...» (там же: 226). Но история Кирсанова всего лишь прелюдия к стычке между Базаровым

и Одинцовой, во время которой Тургенев наполняет это клише пафосом, соответствующим мощи своего героя. И Базаров, и Кирсанов по ходу романа умирают, но если заточенный в образный каземат своей фатальной страсти Кирсанов обречен на медленное умирание при жизни (см. последние строки 24-й главы), то Базарову удастся преодолеть разрушительную любовь благодаря силе своего бунтарства (что вызывает ассоциации с муками эгоцентричного романтика, образ которого был не слишком удачно реализован в «Стено»).

Итак, Тургенев изолирует Базарова и Павла Кирсанова в рамках исключительно субъективных, индивидуальных кризисов, которые имеют лишь самое малое касательство до идеологического спора между двумя поколениями-оппонентами. По существу, вся ситуация с конфликтом поколений в «Отцах и детях» являет собой вопрос отнюдь не решенный. Весьма распространено допущение, что уже само название произведения предполагает столкновение между отцами и их детьми, однако Кирсановы в конце романа мирятся, а взаимная привязанность Базарова и его родителей не подлежит даже сомнению. Более того, своего рода «худой мир» заключен и между Павлом Кирсановым и Базаровым — после дуэли, которая, несмотря на весь рационализм Базарова, в очередной раз выявляет романтическую подоплеку обоих героев. Каковым бы ни было изначальное противостояние (основанное, несомненно, на стереотипных ролях юноши, бунтующего против старших), именно сходство и близость между поколениями определяют основу взаимоотношений между тургеневскими «отцами» и «детьми» (см., как кричит в конце 27-й главы отец Базарова: «Возропцу, возропцу!» (там же: 397)).

На самом деле неразрешимый конфликт в романе, безусловно, происходит между двумя сыновьями, причем его глубина и взрывоопасность усугубляются как раз тем, что конфликт этот не выражен в идеологических терминах. Аркадий, чьи политические взгляды «отбрасываются за ненадобностью» в самом начале повествования, представляет эдакий естественный тип сознания (*honest consciousness*), который позволяет человеку принять свою естественную роль в семье и в продолжении своего биологического рода. Базаров, который отдает отчет в том, что его друг изменил своим былым принципам («...для нашей горькой, терпкой, бобыльной жизни ты не создан» (там же: 380)), оставляет его предаваться банальным радостям семейной жизни, что еще более подчеркивает его собственную изоляцию (необходимую для его имиджа). Аркадий отказывается от прежних радикальных взглядов, чтобы превратить семейное поместье в прибыльное предприятие, что лишний раз иллюстрирует утверждение Тургенева, выраженное в его письме К. К. Случевскому: «Вся моя повесть направлена против дворянства как передового класса» (Тургенев, 1962: 384). Уход Аркадия и Кати в счастливую страну Аркадию во исполнение своих ролей героев пасторальной комедии оставляет романтического радикала Базарова наедине со своей трагической судьбой. Подобно Рудину, он запомнится своим присутствием на чужом, счастливом пиру. И так же как Рудин, не сможет найти своего места среди оседлых и не бунтующих.

По сравнению с тургеневским романтическим представлением о бунте подход к радикализму Слепцова можно назвать прозаичным. Конечно, романтические начала присущи и Рязанову, который, как и Базаров, бунтарь и жертва эмоций, которые вызывают его бунт (*ressentiment*) — тот самый взмах руки. Однако за счет своей лаконичной повествовательной манеры Слепцов «усекает» это начало, чему также весьма способствует структура его повести, сводимая до уровня простейшего наброска:

радикал-интеллигент Рязанов бежит из Петербурга от новой волны репрессий (1863) и оказывается в имении своего университетского приятеля, Щетинина, который уже женился, остепенился и трудится над превращением себя в преуспевающего и высоко нравственного, просветленного помещика. Между Рязановым и Щетининым происходит ряд споров, в ходе которых радикал пытается разрушить веру либерала в постепенный социальный прогресс, осуществляемый посредством реформ. Однако затем главный фокус повествования постепенно смещается к жене Щетинина.

Нигилистские взгляды Рязанова производят сильное впечатление на Щетинину, которая более не в состоянии мириться с беспомощным либерализмом своего мужа. Она решает отказаться от роли великодушной хозяйки и посвятить себя иному служению. Однако когда она обращается к Рязанову за эмоциональной и моральной поддержкой в исполнении этого решения, он отказывает ей. Отношения этой троицы напоминают отношения участников пресловутого *ménage à trois*, в котором в один клубок сплетаются элементы и сексуальные, и идеологические. Рязанов отказывает ей и в ее сексуальных притязаниях, как и в предложении помочь ему в его лишь смутно обрисованной «радикальной» деятельности. Несмотря на это, Щетинина не меняет своего решения и уезжает в Петербург, где она намерена попытаться вступить в ряды «новых людей» — вопреки скептическому отношению к этой модной форме радикализма Рязанова (что перекликается с отношением Базарова к Ситникову и Кукшиной).

Повесть заканчивается на мертвой точке: Щетинин ищет спасения в своей реформаторской деятельности, а его освобожденная жена отбывает в Петербург в поисках нового дела. Единственный трофей, который увозит с собой преданный отдаленной и плохо различимой революции Рязанов, — сын местного дьячка, который вопреки воле отца преисполнен желания поступить в местную школу и пополнить тем самым ряды новых разночинцев. Таким образом, Слепцов, хотя и проясняет отношения между своими героями, оставляет их при этом на пороге новых неопределенностей. Более того, данный литературный вариант его собственной нигилистической концепции не дает положительных ответов на поднимаемые в повести вопросы, наконец, нет тут даже намек на то, что его герои способны самостоятельно отыскать такие ответы. Тут не следует забывать, что в противоположность Тургеневу Слепцов остается «верен» идеологическому конфликту, поставленному им в самом начале своей повести; мало того: он всячески избегает заострять внимание на романтическом облике своего героя-радикала именно потому, чтобы внимание читателя не фокусировалось на характерах в ущерб идеологии.

Подобный подход чреват определенными последствиями не только для значимости главного героя, но и для развития всего повествования. В то время как роман Тургенева исследует личность Базарова и его судьбу, Слепцов сосредоточен на ответе радикалов на вызов «трудных времен»; таким образом, повесть Слепцова как бы продолжает рассказ на том самом месте, на котором Тургенев обрывает свой роман, — на «Аркадии» русского либерального дворянства. В лице Щетинина Рязанов сталкивается не с Павлом Кирсановым, а со своим современником, либералом нового типа, практичным (по крайней мере, в собственной оценке), оптимистичным, готовым принять крестьянские реформы, которые, по его разумению, должны отвечать его собственным интересам. Вопрос, который остается без ответа, заключается в том, а ответят ли они этим интересам. И какую цену придется заплатить крестьянам, трудом которых этот «ответ» может быть куплен?

В коротком финальном пассаже, в котором проявляется его беспокойство по поводу социальных проблем, Тургенев замечает, что приспособление к реформам не будет беспроблемным, но тотчас добавляет к этому, что-де Кирсанов продолжает процветать. Этим интерес его к подобным проблемам и ограничивается, ибо проблемы эти не открывают перед ним новых возможностей для показа большей борьбы, которая только и интересует его. Базаров просто игнорирует новую роль великодушного помещика, исполняемую Аркадием, вовсе не пытаясь бросить ей вызов. Романтику-бунтарю нет дела до деталей или целей земельной реформы, и он не думает вернуться, чтобы обвинить Аркадия в лицемерных отношениях с крестьянами, — да он и не может вернуться. Его изоляция не может быть нарушена во имя того вывода, который не зависит от конкретных соображений политического или идеологического характера.

В настоящем анализе сделана попытка рассмотреть роман «Отцы и дети», и в частности отношение между радикализмом и литературным архетипом путем противопоставления романа с другим литературным произведением, в котором рассматриваются многие аналогичные проблемы. Было бы бессмысленно утверждать, что талантливый писатель Слепцов представил более точный, чем Тургенев, образ нигилиста как социальный феномен. Он написал роман, в котором отражены его собственные взгляды радикала и интеллектуала. Представив некую разновидность радикальной идеологии, характерной для 60-х годов XIX в., и при этом не пытаясь идеализировать поборников этих взглядов, Слепцов счастливо избежал того, что не удалось Н. Г. Чернышевскому, — его герои не превратились в ходульных апологетов упрощенческой и утопичной теории.

Достижение Тургенева совсем иного рода, и идеология играет тут едва ли заметную роль. Его политические и философские взгляды, как и его двойственное отношение к Базарову, удостоились немало внимания (Пустовойт, 1965; Батюто, 1972; Granjard, 1966; Berlin, 1973); однако все усилия осмыслить «Отцов и детей» исключительно в терминах «либеральных категорий» или иной конкретной философской системы следует признать неадекватными. Как отмечалось выше, в письмах Тургенева во второй половине 60-х годов нередко упоминания посещавшей его депрессии и, хотя подобные ощущения отнюдь не редкость в его сочинениях, в одном из писем (к А. А. Фету) имеется указание на связь между его угнетенным настроением и раздражением по поводу молодых критиков, которые в ту пору главенствовали в «Современнике» и имели явное желание предать всех «стариков» забвению (Тургенев, 1962: 125). И именно с помощью образа Базарова Тургенев, возможно, пытался найти точки соприкосновения с носителями того радикального духа, которые так привлекали и отталкивали его одновременно.

Но эти попытки вернули Тургенева к тем проблемам, что занимали его на начальных этапах литературной карьеры: вызовы и страсти романтического героя и апофеоз личности (*ressentiment*). Поэтому когда М. А. Антонович назвал Базарова «карикатурой», которая пытается имитировать демоническую и байроническую натуру, а Тургенев пишет в письме Людвигу Пичу (Ludwig Pietsch): «...я сделал этого парня слишком уж героическим — идеалистическим» (читай — «романтическим»; пер. мой. — У. Б.) («...ich den ganzen Kerl viel zu heldenhaft — idealistisch aufgefasst habe» (Тургенев, 1964b: 38)), оба признают одно и то же, хотя и с разных точек зрения. Это верно, что Базаров — не карикатура, но также верно и то, что Тургенев придал идеологические установки архетипическому герою-романтику, однако тотчас и затушевал их другими, литературными и метафизическими заботами, этому архетипу присущи-

ми. Однако парадокс заключается в том, что именно романтическому нигилисту Тургенева, а не Слепцова, выпала участь воплотить в себе образ русского радикала. Впрочем, парадоксы такого рода совершенно соответствуют сложнейшим взаимоотношениям между литературой и обществом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По поводу оценки литературной деятельности В. А. Слепцова см. мои работы: Brumfield, 1976; 2014.

² Между тем Писарев был не единственным, кто отметил наличие некоторых романтических черт в характере Базарова. Вот что пишет М. А. Антонович в своем обзоре, озаглавленном «Ас-модей нашего времени»: «По-видимому, г. Тургенев хотел изобразить в своем герое, как говорится, демоническую или байроническую натуру, что-то вроде Гамлета; но, с другой стороны, он придал ему черты, по которым его натура кажется самой дюжинною и даже пошлою, по крайней мере весьма далекой от демонизма» (Антонович, 1862: 71–72). В следующей фразе Антонович и вовсе называет Базарова карикатурой. Но каким бы бестолковым ни было описание Антоновича, важно, что он усматривает в Базарове романтика, хотя он явно не способен анализировать последствия собственных наблюдений, считая их малозначимыми. В своем обзоре романа «Отцы и дети» Н. Н. Страхов отвечает на обвинения Антоновича, цитируя его предыдущий пассаж и добавляя: «Гамлет — демоническая натура! Как видно, наш внезапный поклонник Гете довольствуется весьма смутными понятиями о Байроне и Шекспире. Но действительно у Тургенева вышло что-то в роде чего-то демонического, то есть натура богатая силою, хотя эта сила и не нечистая» ([Страхов], 1862: 70–71). Статья Страхова проникательна и исполнена симпатии к Базарову, но и ему не удастся развить тему значимости романтического (или «демонического») аспекта в характере Базарова. Начиная с 1960-х годов ученые начали уделять значительное внимание изучению романтизма и романтического наследия в русской литературе (см.: Проблемы романтизма, 1967; К истории русского романтизма, 1973). Иногда встречаются ссылки на романтические элементы в более поздних произведениях Тургенева (см.: Пустовойт, 1973). Однако, насколько можно судить, вопрос этот по существу и не рассматривался применительно к «Отцам и детям».

³ Ю. В. Манн использует подобный структурный подход к романтизму в своей «Поэтике русского романтизма» (Манн, 1976). Выбрав в качестве своей основной структурной категории «художественный конфликт» (романтический конфликт) (там же: 15), он далее пишет: «Мы говорили, что романтический способ обработки социальной темы есть введение ее в романтический конфликт. Скажем точнее: романтический способ обработки социального заключается в том, что последнее становится *мотивировкой отчуждения*» (там же: 264; курсив автора. — У. Б.).

⁴ См. также описание Базарова в письме Тургенева К. К. Случевскому: «Мне мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная — и все-таки обреченная на погибель» (Тургенев, 1962: 381).

⁵ Ввиду того что Тургенев посвятил «Отцов и детей» памяти В. Г. Белинского, стоит отметить, что вера Базарова в научный материализм созвучна взглядам критика, выраженным в его статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года». Советуя тем, кто интересуется высшими органами человека (сердце и мозг), изучать их физиологическую подоплеку, Белинский пишет: «Психология, не опирающаяся на физиологию, так же не состоятельна, как и физиология, не знающая о существовании анатомии. Современная наука не удовлетворялась и этим: химическим анализом хочет она проникнуть в таинственную лабораторию природы, а наблюдением над эмбрионом (зародышем) проследить физический процесс *нравственного* развития...» (Белинский, 1956: 26; курсив автора. — У. Б.). Схожесть этого заявления с высказываниями Базарова указывает на то, что Базаров принадлежит к более раннему поколению и в интеллектуальном, и в литературном смысле. Вопрос о том, не послужил ли Белинский как радикал-романтик прообразом Базарова, находится вне рамок данной статьи, однако И. Франк указывает в своей книге о юном Ф. М. Достоевском на то, как в 1840-х годах духом романтизма были пронизаны

все представления о социальных реформах и справедливости (см.: Frank, 1976: 73, 98–112). Интерес Белинского к романтизму как к литературной, интеллектуальной и духовной силе проявлен в значительном отрывке в его второй из его «Статей о Пушкине».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонович, М. (1862) *Асмодей нашего времени* // Современник. Т. № 3. Отд. II. С. 65–114.
- Батюто, А. (1972) *Тургенев-романист*. Л. : Наука. 392 с.
- Белинский, В. Г. (1956) *Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Изд-во АН СССР. Т. 10: Статьи и рецензии: 1846–1848*. 474 с.
- Герцен, А. И. (1960) *Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во АН СССР. Т. 20. Кн. 1: Произведения 1867–1869 годов. Дневниковые записки*. 494 с.
- Гершензон, М. (1919) *Мечта и мысль И. С. Тургенева*. М. : Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве». 170 с.
- К истории русского романтизма (1973)* / под ред. Ю. В. Манна, И. Г. Неупокоевой, У. Р. Фохта. М. : Наука. 551 с.
- Манн, Ю. В. (1976) *Поэтика русского романтизма*. М. : Наука. 375 с.
- [Страхов, Н. Н.] (1862) *Отцы и дети*. И. Тургенева. *Русский вестник*. 1862 г. № 2 // *Время*. Апрель. Т. 9. № 4. Отд. II. С. 50–84.
- Писарев, Д. И. (1955а) *Соч. : в 4 т. М. : ГИХЛ. Т. 2: Статьи: 1862–1864*. 429, [3] с.
- Писарев, Д. И. (1956а) *Соч. : в 4 т. М. : ГИХЛ. Т. 3: Статьи: 1864–1865*. 568, [4] с.
- Писарев, Д. И. (1956б) *Соч. : в 4 т. М. : ГИХЛ. Т. 4: Статьи: 1865–1868*. 496, [4] с.
- Проблемы романтизма (1967)* / под ред. У. Р. Фохта и др. М. : Искусство. 358, [2] с.
- Пустовойт, П. Г. (1965) *Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» и идейная борьба 60-х годов XIX века*. М. : Изд-во Моск. ун-та. 406 с.
- Пустовойт, П. Г. (1973) *Романтическое начало в творчестве Тургенева // Романтизм в славянских литературах* / [ред. колл.: В. И. Кулешов и др.]. М. : Изд-во Моск. ун-та. 372 с. С. 258–277.
- Слепцов, В. А. (1957) *Соч. : в 2 т. М. : ГИХЛ. Т. 2*. 420 с.
- Тургенев, И. С. (1960) *Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. : Соч. : в 15 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. Т. 1: Стихотворения, поэмы; Статьи и рецензии; Прозаические наброски: 1834–1849*. 637, [1] с.
- Тургенев, И. С. (1962) *Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. : Письма : в 13 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. Т. 4: Письма: 1860–1862*. 732, [1] с.
- Тургенев, И. С. (1964а) *Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. : Соч. : в 15 т. М. ; Л. : Наука. Т. 8: Накануне; Гамлет и Дон-Кихот; Отцы и дети: 1859–1861*. 620, [3] с.
- Тургенев, И. С. (1964б) *Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. : Письма : в 13 т. М. ; Л. : Наука. Т. 8: Письма: 1869–1870*. 615, [3] с.
- Тургенев, И. С. (1966) *Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. : Соч. : в 15 т. М. ; Л. : Наука. Т. 12: Новь; Предисловие к романам: 1876–1880*. 581, [3] с.
- Berlin, I. (1973) *Fathers and Children: Turgenev and the liberal predicament: The Romanes lecture delivered in the Sheldonian Theatre November 12, 1970. Repr. with corrections*. Oxford : Clarendon Press. 64 p.
- Brumfield, W. C. (1976) *Sleptsov Redivivus* // *California Slavic Studies*. Berkeley ; Los Angeles : University of California Press. Vol. 9. 159 p. P. 27–70.
- Brumfield, W. C. (2014) *Sleptsov Redivivus* // *Знание. Понимание. Умение*. № 2. С. 357–389. (На англ. яз.).
- Frank, J. (1976) *F. M. Dostoevsky: The seeds of revolt, 1821–1849*. Princeton, NJ : Princeton University Press. 401 p.
- Granjard, H. (1966) *Ivan Tourguenev et les courants politiques et sociaux de son temps*. Paris : Institut d'études slaves de l'université de Paris. 506 p.

Дата поступления: 8.06.2015 г.

BAZAROV AND RIAZANOV: THE ROMANTIC ARCHETYPE IN RUSSIAN LITERATURE
 W. C. BRUMFIELD
 (TULANE UNIVERSITY, NEW ORLEANS, USA)

The article examines the presentation of the protagonist as alienated radical activist in the novels "Ottsy i deti" ("Fathers and Sons") and "Trudnoe vremia" ("Hard Times"). Both Ivan Turgenev and Vasily Sleptsov draw on ideological and social questions of the day, yet each also creates a protagonist situated within a literary context. The Romantic hero, particularly as defined by Byron, is the major paradigm for Turgenev's Bazarov, while Sleptsov adopts a more skeptical approach in the portrayal of his Riazanov. Also examined is the relation of the protagonist to an anti-radical foil: the fading humanist Pavel Kirsanov, with his cultured "Westernizer" (zapadnik) values; and the ameliorist landowner Shchetinin, whose liberal plans are questioned by Riazanov.

The article also compares the protagonists' relations to the main female characters, Odinstova and Shchetinina. In this case Turgenev reverts to a Romantic mode of portrayal — that of a great love denied. Sleptsov, on the other hand, seems to anticipate a Chekhovian mode, with his nuanced dialogue between Riazanov and Shchetinina. With their discussion of social goals and ideals, personal passion is muted in favor of personal empathy and mutual respect.

Keywords: Ivan Turgenev, "Fathers and Children", Vasily Sleptsov, Bazarov, Riazanov, Romantic archetype, Russian literature.

REFERENCES

- Antonovich, M. (1862) Asmodei nashego vremeni [Asmodeus of our time]. *Sovremennik*, vol. XCII, no. 3, section II, pp. 65–114. (In Russ.).
- Batiuto, A. (1972) *Turgenev-romanist* [Turgenev as a novelist]. Leningrad, Nauka Publ. 392 p. (In Russ.).
- Belinsky, V. G. (1956) *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]: in 13 vols. Moscow, Publ. House of the Academy of Sciences of the USSR. Vol. 10: *Stat'i i retsenzii: 1846–1848* [Articles and reviews: 1846–1848]. 474 p. (In Russ.).
- Herzen, A. I. (1960) *Sobranie sochinenii* [Works]: in 30 vols. Moscow, Publ. House of the Academy of Sciences of the USSR. Vol. 20. Bk. 1: *Proizvedeniia 1867–1869 godov. Dnevnikovye zapiski* [Works, 1867–1869. Diary notes]. 494 p. (In Russ.).
- Gershenson, M. (1919) *Mechta i mysl' I. S. Turgeneva* [Dream and thought of I.S. Turgenev]. Moscow, Tovarishchestvo «Knigoizdatel'stvo pisatelei v Moskve» [Publ. House of Writers in Moscow]. 170 p. (In Russ.).
- K istorii russkogo romantizma* [On the history of Russian Romanticism] (1973) / ed. by Yu. V. Mann, I. G. Neupokoeva and U. R. Fokht. Moscow, Nauka Publ. 551 p. (In Russ.).
- Mann, Yu. V. (1976) *Poetika russkogo romantizma* [The poetics of Russian Romanticism]. Moscow, Nauka Publ. 375 p. (In Russ.).
- [Strakhov, N. N.] (1862) Ottsy i deti. I. Turgeneva. *Russkii vestnik*. 1862 g. № 2. [Fathers and Children. By I. Turgenev. *Russkii vestnik*. 1862, no. 2]. *Vremia*, April, vol. IX, no. 4, section II, pp. 50–84. (In Russ.).
- Pisarev, D. I. (1955a) *Sochineniia* [Works]: in 4 vols. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury [State Publishing House of Fiction Literature]. Vol. 2: *Stat'i: 1862–1864* [Articles, 1862–1864]. 429, [3] p. (In Russ.).
- Pisarev, D. I. (1956a) *Sochineniia* [Works]: in 4 vols. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury [State Publishing House of Fiction Literature]. Vol. 3: *Stat'i: 1864–1865* [Articles, 1864–1865]. 568, [4] p. (In Russ.).
- Pisarev, D. I. (1956b) *Sochineniia* [Works]: in 4 vols. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury [State Publishing House of Fiction Literature]. Vol. 4: *Stat'i: 1865–1868* [Articles, 1865–1868]. 496, [4] p. (In Russ.).
- Problemy romantizma* [Problems of Romanticism] (1967) / ed. by U. R. Fokht et al. Moscow, Iskustvo Publ. 358, [2] p. (In Russ.).

Pustovoit, P. G. (1965) *Roman I. S. Turgeneva «Ottsy i deti» i ideinaiia bor'ba 60-kb godov XIX veka* [Novel "Fathers and Children" by I.S. Turgenev and the ideological struggle of the 1860s]. Moscow, Moscow State University Publ. 406 p. (In Russ.).

Pustovoit, P. G. (1973) *Romanticheskoe nachalo v tvorchestve Turgeneva* [Romantic principles in Turgenev's works]. In: *Romantizm v slavianskikh literaturakh* [Romanticism in Slavic literatures] / [editorial board: V. I. Kulshov et al.]. Moscow, Moscow State University Publ. 372 p. Pp. 258–277. (In Russ.).

Sleptsov, V. A. (1957) *Sochineniia* [Works] : in 2 vols. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury [State Publishing House of Fiction Literature]. Vol. 2. 420 p. (In Russ.).

Turgenev, I. S. (1960) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters] : in 28 vols. : *Sochineniia* [Works] : in 15 vols. Moscow ; Leningrad, Publ. House of the Academy of Sciences of the USSR. Vol. 1: *Stikhotvoreniia, poemy; Stat'i i retsenzii; Prozaicheskie nabroski: 1834–1849* [Verses, poems; Articles and reviews; Prose sketches : 1834–1849]. 637, [1] p. (In Russ.).

Turgenev, I. S. (1962) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters] : in 28 vols. : *Pis'ma* [Letters] : in 13 vols. Moscow ; Leningrad, Publ. House of the Academy of Sciences of the USSR. Vol. 4: *Pis'ma: 1860–1862* [Letters: 1860–1862]. 732, [1] p. (In Russ.).

Turgenev, I. S. (1964a) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters] : in 28 vols. : *Sochineniia* [Works] : in 15 vols. Moscow; Leningrad, Nauka Publ. Vol. 8: *Nakanune; Gamlet i Don-Kikbot; Ottsy i deti: 1859–1861* [On the Eve; Hamlet and Don Quixote; Fathers and Children: 1859–1861]. 620, [3] p. (In Russ.).

Turgenev, I. S. (1964b) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters] : in 28 vols. : *Pis'ma* [Letters] : in 13 vols. Moscow ; Leningrad, Nauka Publ. Vol. 8: *Pis'ma: 1869–1870* [Letters: 1869–1870]. 615, [3] p. (In Russ.).

Turgenev, I. S. (1966) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters] : in 28 vols. : *Sochineniia* [Works] : in 15 vols. Moscow ; Leningrad, Nauka Publ. Vol. 12: *Nov'; Predislovie k romanam: 1876–1880* [Virgin Soil; Foreword to novels: 1876–1880]. 581, [3] p. (In Russ.).

Berlin, I. (1973) *Fathers and Children: Turgenev and the liberal predicament*: The Romanes lecture delivered in the Sheldonian Theatre November 12, 1970. Repr. with corrections. Oxford, Clarendon Press. 64 p.

Brumfield, W. C. (1976) Sleptsov Redivivus. In: *California Slavic Studies*. Berkeley ; Los Angeles, University of California Press. Vol. 9. 159 p. Pp. 27–70.

Brumfield, W. C. (2014) Sleptsov Redivivus. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 357–389.

Frank, J. (1976) *F. M. Dostoevsky: The seeds of revolt, 1821–1849*. Princeton, NJ, Princeton University Press. 401 p.

Granjard, H. (1966) *Ivan Tourguenev et les courants politiques et sociaux de son temps*. Paris, Institut d'études slaves de l'université de Paris. 506 p. (In Fr.).

Submission date: 8.06.2015.

Брумфилд Уильям Крафт — доктор философии (PhD), профессор славистики Университета Тулейна (Tulane University) (Новый Орлеан, США). Адрес: 6823 Saint Charles Avenue, New Orleans, Louisiana, 70118, USA. Тел.: +1 (504) 865-5276. Эл. адрес: William.brumfield@gmail.com

Brumfield William Craft, Ph.D., Professor of Slavic Studies, Tulane University, New Orleans, USA. Postal address: 6823 Saint Charles Avenue, New Orleans, Louisiana, 70118, USA. Tel.: +1 (504) 865-5276. E-mail: William.brumfield@gmail.com